
КСЕНИЯ МЯЛО

ВСЕГО ЛИШЬ МИЛЛИОН...

Говорить о позиции Москвы по самой косовской проблеме сегодня просто скучно. Независимость Приштины провозглашена, и хотя от 17 февраля нас отделяет менее полугода, уже получила признание со стороны около 40 государств. В ряду которых – ведущие, как теперь принято говорить, **акторы** мировой политики. И меня не убеждают доводы тех (а среди них есть и наши ведущие специалисты по Балканам), кто полагает, будто каким-то образом ещё можно вернуться к ситуации **до** 17 февраля 2008 года.

Да, возможно, процесс развивается не так гладко, как первоначально предполагали спонсоры косовской независимости; да, даже и среди членов ЕС есть страны, не признавшие её (**пока** не признавшие), подвешен вопрос о членстве в ООН. Но ведь ООН и не высказалась чётко и определенно **против**. Даже её Генсек, сделав на срочно созванном в те дни заседании Совбеза поистине беспрецедентное заявление (он, мол, не знает, считать ли косовскую декларацию законной или незаконной), покинул не только трибуну, но и зал заседаний, предоставив “объединённым нациям” самим ломать голову над этим вопросом. Равно как и принимать соответствующие решения, что, собственно, и произошло. Однако, несмотря на видимое разнообразие позиций, главное состоялось: самопровозглашённому Косово сегодня не угрожают ни международная изоляция, ни вооружённая агрессия, ни удушающие блокады и санкции – словом, ничто из того, чем оказались насыщены вот уже почти два десятилетия жизни непризнанных республик на постсоветском пространстве.

Именно их судьбой и обещала озаботиться Россия в случае создания “косовского прецедента”, обещала неоднократно и в выражениях столь сильных, что мировая общественность – кто с тревогой, кто с надеждой, а большинство, думаю, просто с любопытством – ожидала возможной сенсации: а вдруг на сей раз Россия и впрямь не блефует? Но чуда не произошло, и ничего, кроме ставших уже привычными заклинаний на тему о “разрушении действующей системы международного права”, услышать от Москвы так и не довелось. Так что, к сожалению, прав оказался один из немецких дипломатов, ещё в конце минувшего года в довольно пренебрежительной манере высказавший уже сложившееся общее отношение к этим её ритуальным мантрам: “Россия поведёт себя, как всегда, – сначала будет критиковать, а потом успокоится”. Так оно и произошло, и мир лишней раз убедился, что сегодня волноваться по поводу нахмуренных бровей Москвы не стоит.

А с удовлетворением встреченные на Западе итоги парламентских выборов в Сербии, состоявшихся уже **после** отторжения Косово, пожалуй, подводят черту и под эпохой русско-сербской экзальтации и завышенных взаимных ожиданий. Метать по этому поводу камни в сербов я считаю недопустимым, хотя сразу после 17 февраля (тактично выбранный момент!) нашлись охотники заняться этим, скрупулёзно перечисляя все грехи и ошибки, совершённые сербами за последние 20 лет. В общем, “падающего толкни” – оказывается,

есть люди, для которых подобное искушение непреодолимо. Выглядело же всё это особенно неприглядно потому, что и самой России в её истории последнего двадцатилетия гордиться особенно нечем. А что до её политики на Балканах – то не надо о печальном. Будь она иной, вполне возможно, не случилось бы и 17 февраля.

Но поскольку оно случилось, поскольку, как показали выборы, европейская ориентация огромной части сербов перенесла и этот удар, как не разрушили её до основания ни натовские бомбардировки, ни страшная участь Милошевича, не могу не согласиться с тем, что и нам было бы странно теперь оставаться сербами больше, нежели сами сербы. Которых, в конце концов, никогда особенно не волновала участь наших соотечественников, оказавшихся в не менее, а сегодня, пожалуй, что и более драматичной ситуации. А между тем ещё и теперь, уже после выборов в Сербии, различные акции и пикеты на тему “Не отдадим Косово!” собирают гораздо больше участников, нежели 13 марта 2008 года пришло их на Смоленскую площадь с растяжкой “Признать Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию!” Чего здесь больше – сочувствия к Сербии или равнодушия к **своим**? Боюсь, что последнего. А ещё – непонимания тесной взаимосвязи самой, ну пусть до самозабвения волнующей косовской проблемы с судьбой “непризнанных”, а их обеих – с судьбами самой России.

Ведь именно на 13 марта были назначены парламентские слушания, формально обозначенная тема которых (“О состоянии урегулирования конфликтов на территории СНГ и обращениях к Российской Федерации о признании независимости Республики Абхазия, Республики Южная Осетия и Приднестровской Молдавской Республики”) отнюдь не исчерпывала их значения и возможного влияния на последующий ход событий. Звучит парадоксально – ведь совокупного населения всех трёх, в очередной раз воззвавших к России “непризнанных” всего-то около миллиона, что меньше одной десятой населения нынешней Москвы, однако роль их можно сравнить с ролью микроэлементов в живом организме. О ней-то, видимо, и позабыла наша, что греха таить, очень падкая на глобальный размах патриотическая общественность.

Но вот размаха как раз не получилось. Никакого давления на парламентариев общественное мнение не оказало по той простой причине, что его и не было. И занесённая было для удара, то бишь для “нашего ответа Керзону”, рука тихо и послушно вернулась на своё место. А полагать, будто этого никто, в том числе и в Сербии, не заметил и не сделал своих выводов, нелепо. Да и не только в Сербии. Вот, например, как оценивает новую ситуацию министр иностранных дел Абхазии Сергей Шамба: “. . . Россия сейчас демонстрирует, что в борьбе за влияние в этом регионе (речь о Кавказе. – **К. М.**) она отступила. За тем, что происходит сейчас между Россией, Грузией и США в этом регионе, следят все – и народы Северного Кавказа, и Юга России, следит весь мир. И все видят: американцы реализовали то, о чём заявляли, а Россия этого не сделала. И это показывает, у кого какое реальное влияние” (“Независимая газета”, 31 марта 2008 года). Как видим, не потребовалось много времени (всего-то две недели!), чтобы оценить главный итог всей предкосовской шумихи. Так что можно было бы и впрямь сказать, что гора родила мышь, однако в действительности дело обстоит много хуже.

* * *

Попытавшись, на фоне столь явно продемонстрированной слабости, начать новый цикл той неприглядной игры в кошки-мышки, которую она ведёт с “непризнанными”, в сущности, с момента их появления на свет, Россия отнюдь не заморозила в очередной раз ситуацию, хотя именно к этому стремилась, но заметно ухудшила её. Что, думаю, неизбежно должно сказаться в не слишком отдалённом будущем. Да, на определённом этапе приём замораживания оправдал себя, предотвратив ещё большее кровопролитие. В “непризнанных” помнят об этом и за это благодарны. Но никакая “заморозка” не может длиться вечно: ведь если и природные процессы не знают абсолютной статики, то тем более это относится к процессам социально-политическим. Движение – вот квинтэссенция истории, без чего истории просто нет. А потому, раньше или позже, наступает час активной динамики любой, с виду спо-

койной (вспомним пресловутый “застой”), “замороженной”, или, по Победоносцеву, “подмороженной” ситуации. Ну а направиться поток может в самых разных направлениях... особенно если его направить, загодя проложив нужное русло. Наступает он и в “непризнанных”, ибо нельзя бесконечно долго играть людьми, то обнадеживая их наёмками на возможное признание, то, в результате каких-то покрытых глубоким мраком переговоров и интриг, снова отталкивая. А то и сдавая “на правёж” их нынешним юридическим владельцам.

“Одних в Россию пушками не загонишь, другие сами рвутся – не берут”, – констатировал когда-то Рамазан Абдулатипов, в те годы – вице-премьер РФ. Констатировал тогда, когда все трое “непризнанных” проходили через полосу кровавых конфликтов. В ту пору страстное стремление вернуться в лоно страны, от которой никто из них не помышлял отделяться, огромные надежды на отклик России позволяли ещё как-то мириться с унижительным положением людей, с трепетом ожидающих, соблаговолит ли “взять” их Родина, которую сами они не предавали. Оно воспринималось как временное, а потому, при всей его тягостности, переносимое. Однако по мере того, как “временное” всё заметнее превращалось в “перманентное”, гасли надежды и накапливалась усталость. Вода ведь, как известно, и камень точит, и процесс эрозии авторитета России во всех трёх “непризнанных” уже набирает силу.

Покуда он находится в “точке возврата”, то есть там, где возможность затормозить и предотвратить роковое развитие событий ещё существует. Ну а с какой скоростью он развернётся и когда пересечёт черту, за которой возврата уже не будет, зависит от многого. В том числе, и не в последнюю очередь, от того, сумеет ли Запад, оценив возможности, которые открывает перед ним потускнение образа России в ещё недавно столь преданных ей республиках, изменить формат своих отношений с ними. Конечно, партию первой скрипки здесь всё ещё может сыграть Россия, однако лишь в том случае, если и она, в свой черёд трезво оценив новую реальность, тоже сумеет скорректировать своё поведение. К сожалению, сегодня оно если и меняется, то отнюдь не в лучшую сторону, а в стиле обращения с “непризнанными”, как, к слову сказать, и с Беларуссией, всё заметнее проступают черты какого-то троюкуровского куража.

Ведь ясно же, что никто и не ожидал мгновенного признания, но хотя бы робкие подступы к, скажем так, “перемене тона”, по крайней мере, содержались в проекте рекомендаций парламентских слушаний 13 марта. Речь всё-таки шла о начале процедуры признания в одном из вариантов всех трёх республик, в другом – Абхазии и Южной Осетии, при том, что для подобной дискриминации одного из трёх непризнанных государств не было и нет абсолютно никаких правовых оснований.

Однако в окончательном проекте вообще уже не содержалось жёстких обещаний начать процедуру признания, хотя бы первых двух, но Президенту РФ лишь рекомендовалось рассмотреть вопрос о **целесообразности** их признания. Но целесообразность – понятие отнюдь не юридическое, оно и вообще открывает дорогу произволу, и то, что проблема “непризнанных” в итоге вообще вылетает за пределы правового поля, весьма пронизательно отметили в окончательно зачисленном в “постылые” Приднестровье. Нас тревожит, – прозвучало на заседании “круглого стола” в ИЭ РАН (27 марта 2008 года) из уст одного из представителей ПМР, – что “в России открыто заявляют о наличии всех оснований для суверенизации Абхазии и Южной Осетии, но возможное признание их независимости, тем не менее, напрямую связывают с возможностью Грузии вступить в НАТО”.

Ну и, конечно же, не осталось незамеченным то, что волеизъявление народа Приднестровья (а ведь в республике состоялось 7 референдумов!) вообще перестало интересовать Россию. Как если бы его, этого волеизъявления, никогда не было. А если и было, то, в любом случае, не заслуживает даже упоминания. Но так обращаются с крепостными – или, ближе к реалиям нашего времени, заложниками. Однако те, кто торгуют заложниками, по крайней мере, не ссылаются на право, будь оно международное или какое-либо ещё. Разве что на право сильного. А потому, в этом новом контексте, особенно смехотворно (конечно, если на минуту забыть о драматизме всей ситуации) выглядят привычные отсылки к Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975), с закреплённым в нём принципом нерушимости границ и территориальной целостности государств.

К нему РФ апеллирует всякий раз, когда речь заходит о “непризнанных”, и у большинства людей, по определению не слишком-то искушённых в тонкостях юридической казуистики и не очень внимательно следивших за событиями последнего двадцатилетия, должно было сложиться впечатление, что предлагаемое в России истолкование этого положения “Хельсинки-75” и есть единственно верное. Что иначе и быть не может и что жаль, конечно, но ничего не поделаешь, а “непризнанным” остаётся лишь смириться со своей безрадостной участью. Дабы не обрушилась Вселенная.

Между тем существует и другой, весьма профессиональный взгляд на вопрос, представленный, например, авторами книги “Международное право и независимость Приднестровья” (Бендеры, 2007), к сожалению, почти неизвестной в Москве. Это – имеющие имя европейские юристы француз Патрик Брюно и бельгиец Филипп Шансе Вельмот, а также украинец Олег Верник. А чтобы отвести нелепые, но возможные подозрения в некоей их “пророссийской” ангажированности, сразу же отмечу, что выступают они, в целом, как раз с тех самых позиций, которые у нас принято, не вдаваясь в детали, собирательно описывать как “либеральные”. Достаточно сказать, что авторы выступают как сторонники косоваров, что они приветствуют независимость бывших республик СССР и СФРЮ, объединение Германии в той форме, в какой оно произошло, то есть с разрушением ГДР, и т. д. Это, однако, вовсе не мешает им весьма трезво и объективно оценить ситуацию “пост-Хельсинки”, в которой, нравится нам это или нет, и предстоит далее решать те проблемы, о которые так больно до сих пор ударяются “непризнанные”.

“Действительно, – констатируют авторы, – территориальная целостность, нерушимость границ в Европе была гарантирована и Ялтинскими, и Хельсинкскими соглашениями. Ну и где сегодня ГДР, Югославия, СССР, Чехословакия, чьи подписи стоят под Хельсинкским соглашением 1975 года, которое вроде бы достаточно чётко и однозначно зафиксировало подписями 35 государств “нерушимость” их границ? На их месте закономерно возникли новые самоопределившиеся государства”. И далее, – ещё ближе к главной интересующей нас здесь теме: “Несмотря на то, что в 1975 году ряд стран, участников Хельсинкского соглашения, впервые в своей истории, исходя из принципа территориальной целостности, признал юрисдикцию СССР над Эстонией, Литвой и Латвией, чего избегали в предшествующие десятилетия, принцип самоопределения и тут взял верх”, спустя лишь “немногим более 15 лет”.

“Взял верх”, стоит напомнить, не без активной поддержки тогдашнего руководства СССР, а затем РФ, но сейчас речь не об этом. Что сделано, то сделано, и результат, по крайней мере в обозримом будущем, необратим. Главный же и на сегодня важнейший вопрос, на мой взгляд, заключается в другом: что заставляет Россию с упорством, достойным лучшего применения и в ущерб своим собственным интересам, цепляться именно за этот тезис Заключительного акта, давно уже размытый “международной правоприменительной практикой”, по выражению авторов книги?

К слову сказать, объяснять такое размывание одним лишь цинизмом и тактикой “двойных стандартов” было бы упрощением, хотя и то, и другое, конечно, присутствует в изобилии. Однако ведь даже и в Хельсинки никто, надо думать, не исходил из того, что в мире до окончания времён уже не будут появляться новые государства. И что не придётся, стало быть, решать вопрос об их признании – или непризнании. Речь же шла, если кто забыл, о закреплении итогов Второй мировой войны и создании правовой инфраструктуры разрешения возможных в будущем коллизий, которая позволила бы избежать такого пересмотра.

А потому в Заключительном акте нашлось место и для принципа самоопределения, притом – в формулировке, которая, поведи себя руководство СССР и РФ иначе, позволяла, даже в случае его распада, минимизировать подобный пересмотр. А также – избежать появления на постсоветском пространстве самого феномена непризнанных государств. Формулировка эта (раздел VIII), впервые вводимая в международно-правовой оборот расшифровку категории “самоопределение”, говорила о “равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой”. Народов, а не территорий. Остаётся гадать, почему советское, а затем российское руководство ни разу не обратилось к ней, словно бы даже не подозревая о её существовании. Но для такого обращения были – и остаются – все историко-юридические основания.

Прежде всего, в Заключительном акте речь шла исключительно и только о границах самого СССР, но ни в коей мере не об условных и не имевших на тот момент международного статуса границах союзных республик. Во-вторых, действовавшая на момент роспуска Союза его Конституция гарантировала, в случае сецессии (отделения) последних, проживающим на их территориях моно- или полиэтничным компактным общностям возможность использования того самого “права распоряжаться своей судьбой”, реализуя его через институт референдума. Права тем более неоспоримого, что исторически народы всех “непризнанных” в своё время входили в Россию совершенно самостоятельно, вне всякой связи с титульными союзными республиками, в состав которых оказались включены много позже. Притом — абсолютно произвольно и без какого бы то ни было учёта их собственного волеизъявления. И однако же, несмотря на всё это, РФ ни разу за всё время не решилась, как не решилась и в феврале-марте 2008 года, изменить саму постановку вопроса о “непризнанных”, сдвинув его с мёртвой точки абсолютно не имеющего касательства к данной ситуации принципа территориальной целостности.

И если бы она ещё была последовательна в своей приверженности ему — тогда такое догматическое упорство можно было бы, по крайней мере, уважать. Но ведь ничего подобного! Всякий раз, когда вставал вопрос о признании новых государств, определяющие решения принимал Запад, Россия же послушно следовала за ним. Так было с республиками бывшей Югославии, так было и в случае Эритреи и Восточного Тимора. Именно о двух последних напомнил в своём уже упоминавшемся интервью Сергей Шамба: “Время прошло, и теперь проблема отошла в прошлое. Теперь и Косово прошло, со временем и эта проблема отойдёт в прошлое”. Что уже и происходит: вопрос для широкого общественного мнения явно остывает, а уж тем более странно было бы говорить сегодня о “прецеденте”, как то делалось накануне решающей даты 17 февраля. Момент упущен, да и так ли была необходима подобная, с моральной точки зрения не совсем безупречная и отзывающаяся тем же “заложенничеством”, привязка проблемы “непризнанных” именно к Косово?

Случай Эритреи давал не меньше, а даже и больше оснований напрямую поставить вопрос об их признании, ибо территория ныне независимой Эритреи издревле была неотъемлемой частью Эфиопии (Аксумского царства), а сам конфликт тесно связан со всем контекстом холодной войны. На это РФ, усердно демонстрируя Западу, какая она “хорошая девочка”, не решилась тогда, не решилась, как видим, и сегодня. В итоге же — не сумела взять под свой контроль развивающийся процесс переформатирования политической карты мира. Хотя бы на постсоветском пространстве, что было не только её правом, но и её долгом.

А потому стоит ли удивляться, что там, где Россия отступает, Запад расширяет свою “зону ответственности”, при этом гибко сочетая оба принципа, заложенных в Заключительном акте. Ведь даже и европейские эксперты отмечают, сколь чётко акцентирует принцип территориальной целостности Европа, когда речь идёт о ней самой, и как смещаются акценты в иных случаях. А потому страшные картины крушения мира в случае признания Россией “непризнанных” (а они в изобилии рисовались в дни, условно назовём, “косовского кризиса”) имеют очень слабое отношение к действительности. Как мы видим, жаждущие получить независимость по примеру Косово вовсе не выстроились в огромную очередь. Ну а полагать, что все сверяли своё поведение с тем, как отзовётся Россия на призыв своих “непризнанных”, — это отзывается мегаломанией.

Не убеждена, что те же баски или сторонники итальянской “Лиги Севера” имеют достаточно ясное представление о том, где находится Приднестровье или в чём суть казуса Южной Осетии. Зато все они обладают достаточным политическим опытом, чтобы понимать: одного желания недостаточно. И нет никаких оснований думать, будто Мадрид или Рим тотчас же последуют примеру Москвы. Так что очередное принесение в жертву Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья на алтарь международной стабильности было не только безнравственным, но и бессмысленным. Думаю, напротив, решился Россия произнести своё слово, укажи она, спокойно, но твёрдо, на приоритетность права и на недопустимость бесконечно гибкого его истолкования и применения, она могла бы существенно поспособствовать общему оздоровлению атмосферы в мире.

К сожалению, случилось иначе, и, окончательно перенеся вопрос на почву **целесообразности**, а говоря без эвфемизмов, чистого произвола, Москва скомпрометировала даже свою пока ещё удерживаемую позицию в вопросе о Косово, позволяя думать, что и здесь заботится она не столько о праве, сколько о чём-то другом. И что основанного на твёрдых критериях и рассчитанного на более или менее длительную перспективу проекта разрешения подобных коллизий у неё нет. Что всякий раз она будет действовать ситуативно, оставляя стратегическую инициативу в руках других.

Кому-то это, может быть, и видится целесообразным, однако история уже не раз показала, что в крупной перспективе кажущееся целесообразным сегодня предстаёт совсем не таковым завтра. В Приднестровье в этой связи вспомнили об Аляске, но пример не кажется мне слишком убедительным, хотя немалая часть российских “патриотов” просто одержима Аляской. Кажется, что для них продажа её перечёркивает все великие деяния трагически погибшего Царя-Освободителя. Подумаешь, какая мелочь – конец позора крепостного права – по сравнению с Аляской! Но что стала бы делать с Аляской нынешняя Россия, близкая к тому, чтобы потерять уже и Дальний Восток? Уместнее в данном случае, мне кажется, более близкий нам и более жёсткий пример: поспешное признание Советским Союзом государства Израиль, хотя было совершенно очевидно, что там формируется клубок проблем, не предполагающих скорого и лёгкого решения. Целесообразность же виделась в том, что новое государство, в контексте событий только что окончившейся Второй мировой войны и роли СССР в спасении еврейского народа от полного уничтожения, сможет стать опорой нашей страны на Ближнем Востоке.

Но – ошибаются, как видим, и великие политики, помещая во главу угла целесообразность, – действительность оказалась иной. Все мы знаем, чьей опорой стал Израиль и какую роль сыграл он в судьбах СССР. Так что же сказать о политиках не столь великих, сегодня, опираясь на расплывчатые и не подкреплённые действиями обещания президента Республики Молдова В. Воронина, сдающих Приднестровье?

Положение этого непризнанного государства внешне не выглядит столь драматичным, как положение двух других, буквально посаженных на пороховую бочку. Так, например, Ю. Неткачев, бывший командующий 14-й армией, некогда дислоцированной в Приднестровье, а затем заместитель командующего Группой Российских войск в Закавказье, прямо говорит о неизбежности военного развития ситуации здесь. На берегах Днестра такой вариант покуда не просматривается, но если Абхазия и Южная Осетия ещё сохраняют для РФ определённую правосубъектность и, стало быть, в таком качестве присутствуют на переговорах, которые ведёт Россия, то Приднестровью в таком статусе отныне просто отказывают, загоняя его в глухой тупик. И, сколь это ни покажется странным, подобный подход не только нашёл поддержку со стороны ряда тех, кого в нашей нынешней сумбурной лексике принято именовать патриотами-государственниками, но даже и получил дальнейшее развитие. Образцовой в этом роде можно считать статью Михаила Делягина, опубликованную в “Независимой газете” (2 июня 2008 года) под странным заголовком: “Алармизм нынче не в моде”. Вообще-то алармизмом принято именовать повышенную тревожность, для которой нет достаточных оснований. И уж тем более странно упоминать о “моде” применительно к республике, народ которой до сих пор не залечил ран, нанесённых ему в 1990–1992 годах. А каждому, кто взял на себя труд хотя бы приблизительно ознакомиться с историей вопроса, известно, кто именно был агрессором. Но, зная М. Делягина как серьёзного автора, чьи работы всегда достаточно аргументированы, я готова была отнести эту вопиющую бестактность на счёт редакции. К сожалению, оказалось не так, и вся статья представляет собою не исследование вопроса, но просто перечень рекомендаций (кому?) по поводу того, как нам лучше “обустроить Россию”. Для “обустройства” которой нам нужно соответствующим образом “обустроить” и Приднестровье. Мнением которого, конечно, вовсе не обязательно при этом интересоваться. России, видите ли, “нужна дружественная и единая Молдавия”, а потому: “Основным принципом интеграции – ничего не поделаешь – придётся назвать вхождение непризнанной Приднестровской Молдавской Республики в состав Республики Молдова”. Вот так просто: “Придётся”! Это напоминает нечто, ещё с детских лет знакомое по русской классике: “Насчёт Фёдора... распорядиться”.

Ну а чтобы приднестровский “Фёдор”, известный своим непокорным нравом, не вздумал сопротивляться, предусмотрены необходимые меры: ликвидация, в не слишком отдалённой перспективе, “всех структур власти непризнанной ПМР”. Надо понимать, что в первую очередь это относится к силовым структурам, которые в 1992 году одни лишь и защитили приднестровский народ от ещё более жестокого геноцида. Однако в таком контексте идея проведения в Приднестровье референдума в том случае, если единая, но отнюдь не ставшая дружественной Молдова всё-таки решит вступить в Евросоюз или НАТО, выглядит просто издёвкой. Трудно ведь представить, чтобы кто-либо в Приднестровье не понимал, как именно в таком случае будет выглядеть этот референдум.

И вот ведь что поразительно: в своё время “либералы”, позиционировавшие себя как защитники малых народов, но более всего одержимые идеей ликвидации “империи”, безжалостно попирали права тех малых народов, которые не выражали желания отделиться от России, но, напротив, стремились сохранить свою историческую связь с ней. Сегодня иные “патриоты-государственники”, умами которых завладела идея восстановления “империи”, с такой же лёгкостью попирают права тех, кто видится им помехой на пути к великой цели. Этого жалкого, путающегося под ногами миллиона. Как видим, крайности и впрямь сходятся. И как бы не сошлись они и по результатам подобного размашистого подхода.

Сергей Шамба ведь не случайно, надо думать, упомянул о пристально следящих за развитием ситуации народах Северного Кавказа. Один раз они уже приходили на помощь республике, и кто сказал, что не придут снова? Со всеми вытекающими отсюда последствиями, думаю, ещё более серьёзными, учитывая общую разбалансированность региона.

За Приднестровьем такой силы нет: Россия равнодушна, Украина ведёт свою собственную игру, в которой ей не с руки перечить Западу. Но опять-таки кто сказал, что не может измениться позиция Запада? Ведь гарантии Евросоюза уже начинают котироваться здесь выше, чем гарантии не оправдавшей возложенных на неё надежд России. Огромную роль в этом кризисе доверия сыграло то, что Москва не смогла (или не захотела) прекратить начатую Кишинёвом весной 2006 года блокаду Тирасполя. Хотя эта блокада была прямым нарушением Меморандума 1997 года, под которым стояла и подпись России. Хуже того: она, как напомнил об этом М. Демури (НГ”, 16 июня 2008 года), решила усадить приднестровцев за стол переговоров с Кишинёвом, так и не урегулировав вопрос о снятии блокады. **Такое** даром не проходит, и прав Демури: “Уважаемый и уважающий себя посредник так себя вести не может и не должен”.

Итак, репутация России здесь сильно подмочена, и её, разумеется, не улучшили итоги парламентских слушаний. А если совокупными усилиями России и Запада всё-таки удастся затолкать ПМР в Молдову, именно эта территория окажется потерянной для России навсегда. После начала блокады заметно усилился до того не слишком большой отток населения отсюда, надежды убывают, а тем временем в жизнь вступает новое поколение. Те, кто родились в 1990 году, в год провозглашения республики, в 2008-м достигли совершеннолетия. Эти молодые люди по определению не могут иметь таких глубинных связей с Россией, как их родители. Зато они видели, как поступает Россия с теми, кто ей бесконечно предан. Они сами выросли в подобии резервации и вправе не желать такой участи и для своих детей. Они будут искать пути выхода из тупика, пути, которые, вполне возможно, кому-то покажутся “не соответствующими интересам России”. Но ведь Россия сама отбросила рвущийся к ней народ от своего порога. Не так ли? А потому то, что сегодня кому-то видится благостной “реинтеграцией”, неизбежно приведёт к окончательному разрушению здесь опорного для России слоя населения. Как это в значительной мере уже и произошло в Прибалтике, где, в конечном счёте, именно Евросоюз занялся проблемой “неграждан”. Тягостность этой аналогии усугубляется тем, что новое отступление России по времени почти совпало с её прошлогодним отступлением в битве за Бронзового солдата.

Что ж, спилить вековое дерево не так уж и трудно, но вот вырастить его снова... Дерево привязанности к России ещё живо в “непризнанных”, ещё цепляется корнями за историческую почву, но время уходит. И тягостно думать, что остаток его окажется растрочен на неонеоменклатурные, “межэлитные”, как теперь принято выражаться, игрища и интриги.